

УДК 903.5

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-73-86

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НОВОИЛЬИНОВСКИЙ II¹

П. А. Снитковская

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
p.a.sniky@yandex.ru

Э. Р. Усманова

Карагандинский государственный университет им. акад. Е.А. Букетова, 100028, Караганда, ул. Университетская, 28
emmadervish2004@mail.ru

Осуществлен сравнительный анализ элементов погребального обряда, обнаруженных в курганах № 4 и 5 могильника Новоильиновский II (Тарановский район Костанайской области, Республики Казахстан). Погребальный комплекс состоит из трех групп. Всего зафиксировано 30 курганов, из которых на могильнике Новоильиновский II исследовано 9. Основная часть погребальных сооружений относится ко второй половине II тыс. до н.э. В курганах № 4 и 5, найдены материалы синташтинского и петровского культурного облика. Эти материалы позволяют атрибутировать их как курганы петровского типа, однако некоторые ритуальные особенности имеют общие черты с синташтинской похоронной традицией – близкой к петровской по своей культурной основе. Сохранение культурных стереотипов подтверждается сходством способов организации курганного пространства, жертвенников, захоронения умерших и керамического материала. Найденные фрагменты керамики в большинстве своем идентифицируются как сосуды петровского типа, однако часть их принадлежали шести сосудам синташтинского облика. Вероятно, исследованные курганы ввиду своего центрального расположения на погребальном поле могли быть ядром образования некрополя Новоильиновский II. В пользу этого предположения свидетельствует периферийное расположение курганов алакульского типа и отсутствие традиции оформления жертвенников, связанной с памятью синташтинского культурного наследия. При этом по традициям погребальный обряд алакульских курганов схож с обрядами петровских курганов. Данный факт позволяет предполагать взаимосвязь культурных моделей в погребальных обрядах населения Урало-Казахстанских степей в эпоху бронзы.

Ключевые слова: погребальный обряд, синташтинская культура, петровская культура, бронзовый век, Урало-Казахстанские степи.

Обряды и ритуалы играют важную роль в культуре традиционных обществ. В них отражаются представления о строении мира и месте человека в нем. В погребальной обрядности возможны различные ритуальные ситуации, которые могут быть обусловлены как внутренними, так и внешними факторами, в частности, межкультурными контактами. Нередко влияние этого фактора может стать одной из причин культурного изменения, в том числе в ритуальной сфере.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты погребальных традиций населения, оставившего близкие по структуре памятники синташтинского и петровского типов. Целью исследования является культурная атрибуция отдельных элементов погребальной обрядности синташтинско-петровского облика, зафиксированных в материале могильника Новоильиновский II.

В настоящее время в степных долинах Уральского и Тобольского речных бассейнов известно большое количество памятников синташтинской и петровской культурной принадлежности. На территории Челябинской области и на северо-востоке Оренбургской обнаружено не менее 22 укрепленных поселений и сопутствующих им курганов, датируемых финалом средней и началом поздней бронзы [Корякова, Епимахов, 2010, с. 97]. По-видимому, активное взаимодействие населения и естественный отбор определенных стереотипов в процессе межпоколенной трансмиссии обусловили генерацию новых культурных моделей, в том числе в погребальном обряде [Епимахов, 2005], [Молодин и др., 2014].

Подтверждением этой гипотезы являются памятники, культурный слой которых содержит материалы синташтинского и петровского типов. Это хорошо фиксируется на поселениях Устье [Виноградов, 2013] и Каменный Амбар [Корякова и др., 2011]. На последнем памятнике выявлены материалы двух основных хронологических периодов: синташтинско-петровского и срубно-алакульского. Первый период функционирования поселения укладывается в 2030–1870 (2050–1760) гг. до н.э., второй – в 1980–1780 (2040–1770) гг. до н.э. [Epimakhov, Krause, 2013]. В целом, несмотря на некоторые различия в архитектуре поселений и традиции изготовления керамики, население синташтинского и петровского типов можно рассматривать как связанное генетической преемственностью межпоколенческого свойства.

На территории Северного Казахстана синташтинские и петровские погребальные памятники представлены курганными сооружениями, из которых наиболее изученными являются курганы Халвай III, Халвай V и погребения могильника Бестамак. Оба памятника приурочены к территории Тургайского прогиба в административных границах Костанайской области [Шевнина, Логвин, 2014; Miller et al., 2014, 2017; Логвин и др., 2017].

В контексте взаимодействия синташтинских и петровских традиций определенный интерес представляет погребальный комплекс Новоильиновский II, открытый в 2003 г. А. С. Суловым, ведущим научным сотрудником Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья. Археологические раскопки проводились под руководством Э.Р. Усмановой [Усманова и др., 2012, 2015].

Памятник расположен на правом берегу р. Тобол, в 25 км ниже по течению от г. Лисаковска, напротив поселка Новоильиновка (52°38'08" с. ш. 62°41'51" в. д.) (рис. 1). Погребальный комплекс состоит из трех групп. Всего зафиксировано 30 курганов, 9 из которых исследованы на могильнике Новоильиновский II. Основная часть погребальных сооружений относится ко второй половине II тыс. до н.э. В данной статье рассматриваются курганы № 4 и 5, которые содержали материалы синташтинского и петровского культурного облика. Они располагались в центральной части могильника, обладали ярко выраженной погребальной обрядностью, характеризующейся разнообразием ритуализированных действий, нашедших отражение в археологических остатках.

Реконструкция погребальной обрядности по археологическим данным является сложной задачей. Это связано в первую очередь с тем, что археологи имеют дело с ограниченным набором материализованных остатков погребального обряда. Методологической основой нашего исследования стал системный анализ данных, полученных из археологических отчетов и публикаций. В них содержится информация о материальных остатках некогда «живой» обрядности: могильной ямы, жертвенника, рва, погребального инвентаря, погребенного и др. По этим артефактам можно с известной вероятностью судить о способах материальной реализации похорон и основных ритуальных объектах.

Приведем описание курганных памятников и погребальной практики, связанной с оформлением погребального пространства, жертвоприношений и отправлением умерших. Формат статьи заставляет нас опустить анализ костных остатков, вещей из жертвенников и погребений, оставив лишь общее описание находок.

Описание курганов

Курган №4 (рис. 2) высотой до 0,6 м и диаметром около 16 м. После вскрытия с южной и северной сторон на уровне материка фиксировались полукольцевые рвы длиной 10 м и 8 м, шириной до 2 м, ориентированные по линии З – В. Между концами рвов (в проходах), по кругу, располагались ямы овальной в плане формы. С западной стороны находились две ямы, с восточной – три. В центре курганной площадки зафиксировано погребение [Усманова и др., 2012]. В яме №2, располагавшейся в западной части подкурганной площадки, обнаружено несколько фрагментов расколотых костей животных.

Полукольцевые рвы разделяли погребальную площадку на две половины – южную и северную. Они были направлены по линии З – В и выделялись на поверхности материка темным заполнением (суглинок с примесью каменной крошки).

При расчистке южного рва была обнаружена выкладка из костей жертвенных животных. Кости принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту. Они заполняли всю придонную часть рва, который в разрезе имел полуовальную форму. Глубина рва варьировалась от 0,4 до 0,6 м в западном конце.

Композиция состояла из нижней челюсти крупного рогатого скота и конечностей, расположение которых соответствовало естественному. Жертвенная инсталляция напоминала силуэт бегущего животного. Судя по набору костей, отбор частей туши был регламентирован, на что указывает отсутствие костей черепа, за исключением одного крупного фрагмента, и цельных костяков. В восточном конце рва было обнаружено несколько фрагментов керамики от разных горшков, один фрагмент орнаментирован несколькими штрихами, другие без орнамента [Там же, с. 4].

При расчистке северного рва тоже была зафиксирована композиция из костей крупного рогатого скота. В состав ее входили нижняя челюсть коровы, кости нижних конечностей и хвостовая часть, обозначенная отдельно лежавшей костью. Композиция была направлена по линии В – З.

Таким образом, полукольцевые рвы располагались вокруг центрального погребения и являлись объектом ритуальных действий, связанных с оформлением погребального пространства на подкурганной площадке и жертвоприношениями.

Между западными концами рвов имелись две ямы, в одной из которых обнаружено детское захоронение. Погребение в виде ящика размерами 0,5 x 0,3 м ориентировано по линии ЮЗЗ-СВВ. Ящик состоял из трех каменных плит, вертикально вкопанных в дно ямы. На дне погребения, с западной стороны, был поставлен сосуд баночной формы. Внутри ящика ближе к сосуду лежали фрагменты черепа, по всей видимости, принадлежавшие младенцу. Других частей скелета не обнаружено [Там же, с. 5].

В 0,4 м к югу от ящика, на дне ямы, находился жертвенник, состоявший из двух намеренно разбитых сосудов. Один из сосудов, по всей видимости, был вкопан в расколотом состоянии. На поверхности обоих сосудов с внутренней и внешней сторон имеются следы нагара. Среди фрагментов керамики обнаружены кусок минерала лимонита, метаподия лошади, фрагмент неопределимой кости животного и одна пастовая бусина. Безусловно, жертвенник имел отношение к детскому погребению [Там же, с. 5].

Центральное захоронение (рис. 3) фиксировалось на уровне материка (– 70 см) в плане прямоугольной формы размерами 3,8 x 3,0 м, глубина в материке составляла 1,2 м. С юго-западной стороны, в полуметре от очертаний ямы, были обнаружены череп и челюсть барана. Погребение ориентировано по линии ЮЗЗ – СВВ. С юго-западной стороны имелся выступ шириной 40 см. Заполнение ямы достаточно однородное до глубины 0,6 м, после нее погребение можно разделить на две половины: западную и восточную. С западной стороны заполнение было в виде суглинка серо-коричневого цвета, смешанного с материковым заполнением, с восточной – в виде темно-коричневого суглинка [Там же, с. 6].

В погребении намеренно проникли, судя по всему, с его юго-западной стороны. В северо-восточной части ямы *in situ* обнаружены кости ног и таза человека. По всей видимости, погребенный лежал в скорченном положении на левом боку в направлении З – В. Кости рук и верхняя половина тела отсутствовали. Однако черепная коробка без нижней челюсти находилась на месте головы, сохраняя свое анатомическое положение. В северо-западном углу (на глубине -100 см.) обнаружено скопление человеческих костей: нижней челюсти, фрагментов лучевой и плечевых костей рук. В северо-восточной части погребения от костяка сохранились *in situ* кости таза и кости ног, окрашенные охрой в красный цвет.

Керамика погребения № 1. При расчистке могильной ямы на разной глубине (70–80 см) в заполнении центральной и восточной частей погребения было обнаружено шесть фрагментов от шести разных сосудов синташтинского типа. Четыре фрагмента имели сквозные отверстия для ремонта. Скорее всего, отдельные фрагменты были принесены и сброшены в погребение при совершении ритуала. На дне ямы было зафиксировано три сосуда. От сосуда № 1 было всего несколько фрагментов в северо-западном углу. Два других (№ 8 и 9) были археологически целыми. Сосуд №8 находился посередине северной стенки, напротив тазовых костей погребенного. В тулове отмечено несколько сквозных отверстий, два из которых скреплены бронзовой скобой. Отдельные скобки были найдены около черепа и, видимо, принадлежали этому сосуду. В северо-восточном углу находился сосуд в развале №9 (рис. 4).

Таким образом, в кургане №4 сохранилась информация о девяти сосудах. Шесть отдельных фрагментов, сброшенных в заполнение, принадлежали шести сосудам синташтинского облика. Три сосуда на дне могилы – петровского облика.

Другие находки погребения. В районе верхней части тулова и живота погребенного обнаружено пять бронзовых бляшек, образующих косой ряд на расстоянии друг от друга. По длине окружности они были обшиты пастовыми бусинами. Вероятно, бляшки принадлежали к элементам одежды. Остальные находки залежали в восточной части ямы и относились к погребальному инвентарю: сосуд в развале, костяной крючок, бронзовое шило, лежавшее между двумя частями сломанной костяной игольницы, костяное пряслице и костяная проколка, точильный камень. Примечательно, что все орудия имели отношение к ткачеству, вязанию и шитью.

Рядом с сосудом, ближе к северо-восточному углу, находилось два сформированных глиняных комочка размерами 8,0–7,0 x 5,0 см. На правом комочке имелись два бронзовых крючка со спиралевидным окончанием (подвески?), на левом – бронзовая пряжка, между объектами – миниатюрный бронзовый слиток. Под правым комочком были обнаружены подвеска-клык, окрашенная в красный цвет, и маленькая бронзовая обойма [Усманова, 2012, с. 8].

В южной половине погребения кости человеческого скелета отсутствовали. Создалось впечатление, что яма была приготовлена для двух умерших, однако захоронение второго по каким-то причинам не состоялось. Своего рода имитация кенотафа. На уровне тазовых костей погребенного, параллельно им, в этой части дна камеры, обнаружен бронзовый нож, который лежал острием вверх по направлению на запад, с его левой стороны находилась бронзовая скоба. Параллельно черепной коробке лежал фрагмент деревянной доски (?) с покрытием белесого цвета размерами 25 x 15 см.

При расчистке дна могильной ямы была обнаружена канавка шириной 0,1–0,2 м, проходившая по периметру ямы, благодаря ее глубине погребенный находился как будто на подиуме. Симметрично по углам и посередине западной и восточной стенок располагались шесть столбовых ямок, вероятно, входивших в систему опоры для перекрытия. Скорее всего, оно было разрушено после завершения обрядового цикла, куда, возможно, и входило намеренное проникновение с целью изъятия вещей.

Таким образом, в погребении № 1 сохранилась информация о девяти сосудах. Фрагменты шести сосудов синташтинского облика были сброшены в заполнение, три сосуда петровского облика были обнаружены на дне могилы, и три сосуда петровского типа принадлежали детскому погребению № 2 и жертвеннику рядом с ним.

Курган №5 (рис. 5) высотой до 0,4 м, диаметром до 18 м. На уровне материка (–50 см) были выявлены очертания семи ям, из которых четыре фиксировались с западной стороны и три – с восточной. Таким образом, подкурганная площадка оказывалась в кольце ям, по всей видимости, являвшихся имитацией полукольцевых рвов и предназначенных как для взятия грунта, так и для ритуальных манипуляций, что в дальнейшем подтвердилось при раскопках [Там же, с. 3–4].

Наиболее интересная по ритуальному содержанию яма находилась в юго-западном секторе (яма 1а). В ней был выявлен жертвенник, состоящий из трех уровней. Первый уровень был расчищен на глубине –20 см от края ямы и состоял из разрозненных позвонков, ребер и трубчатых костей КРС, которые располагались по верхнему контуру ямы. При выборке заполнения (–90 см) был обнаружен череп быка с одним рогом ориентированный по линии ССЗ – ЮВВ. Левый рог, возможно, был спилен, а у его основания лежали один астрагал, два ребра и челюсть КРС на левой стороне.

На третьем уровне расчистки под черепом было выявлено несколько астрагалов, выложенных дугой (–110 – 120 см). Далее фиксировались кости лошади. В местах сочленения суставных частей задних конечностей был найден вертикально вкопанный камень, над которым находились костяной псалий желобчатого типа и бронзовый клин [Там же, с. 21–25]. После окончательной расчистки ямы на ее дне было выявлено два костяка лошадей, уложенных в позе «летающего галопа», ориентированных по линии СЗ – ЮЗ. По определению П.А. Косинцева, костяки принадлежали жеребцу и кобыле возрастом от 15 до 20 лет и были уложены на правый бок. Костяк кобылы находился сверху, костяк жеребца снизу. По-видимому, животные были убиты ударом тяжелого тупого предмета в середину лба [Усманова и др., 2018, с. 207–208].

Ритуальная особенность подкурганной площадки – наличие входа на нее с западной стороны, между ямами 1а и 2а. Около ямы 1а с южной стороны, было обнаружено две столбовые ямки диаметром 20 см. По всей видимости, эти ямки принадлежали к навесу или какой-либо другой конструкции, которая была сооружена над этой ритуальной ямой.

Центральное погребение (рис. 6) в плане прямоугольной формы размерами 3,6 x 2,4 м отмечено на уровне материка (-50 см) и ориентировано по линии З – В. На глубине 30 см от края ямы, у южной стенки залегало первое скопление костей от нескольких скелетов. Останки лежали хаотично, что указывает на намеренное проникновение. Обнаруженные фрагменты керамики принадлежали четырём сосудам, два из которых относятся к сосудам петровского облика.

Один сосуд петровского облика, по всей видимости, был разбит специально, а его фрагменты разложены вдоль западной стенки. В северо-западном углу были расчищены бронзовый наконечник копья и тлен от деревянного древка [Усманова и др., 2015, с. 12].

В центре ямы, в ее нетронутой части, были зафиксированы кости ног четырех человеческих скелетов. По всей видимости, было захоронены две пары. Судя по расположению костей, первый и третий индивиды лежали на левом боку головой на запад (возможно, мужского пола). От второго погребенного сохранились *in situ* только кости стоп. Их расположение свидетельствует о том, что погребенный находился на правом боку головой на запад. Подобная ситуация повторилась при расчистке четвертого индивида. Фрагменты украшений, найденных рядом с умершими, позволяют предположить их принадлежность к женскому полу.

В северо-восточном углу ямы были обнаружены остатки жертвоприношения из ребер и конечностей мелкого рогатого скота, фрагмент деревянной палки, отделявшей кости погребенных от костей животных и положенной параллельно восточной стороне погребения. Рядом с палкой, напротив ее середины, была врыта вертикально тазовая кость КРС (?) со следами стертости по длинной стороне, что указывает на возможное использование ее в качестве орудия.

В 0,5 м к югу от центрального погребения на уровне материка (-50 см), находилось погребение № 2, в плане правильной прямоугольной формы с округленными углами, размерами 130 x 70 см, в придонной части 120 x 50 см. Погребение ориентировано по линии З – В. На дне (-60 см), в центре ямы, был обнаружен неполный скелет ребенка на левом боку, ориентированный в направлении В – З, в изголовье находился сосуд, в области шейных позвонков было найдено несколько пастовых бусин.

Обобщение наблюдений

Способы организации курганного пространства двух исследованных курганов свидетельствуют об их планиграфической близости. Общей чертой является планировка с центральным расположением могильных ям, типичная для памятников эпохи бронзы. Курганное пространство окружено полукольцевыми рвами, в которые помещали жертвенники. Обозначен вход с западной стороны на подкурганную площадку, что также является устойчивой традицией в петровском погребальном ритуале.

Несмотря на сохранение традиции помещения жертвенников во рвы обоих исследуемых курганов, они обладали особенностями. В кургане № 4 жертвенники представлены отдельными частями туш мелкого и крупного рогатого скота. По-видимому, присутствие набора регламентированных частей туши в жертвеннике относится к традиции, характерной для населения синташтинской культуры. В кургане № 5 ритуал помещения жертвенных животных в полукольцевой ров (имитацией которого служили ямы, окружавшие насыпь кургана) имел сложную структуру. На третьем уровне расчистки были обнаружены скелеты двух лошадей, уложенных в позе «летающего галопа», что связано, как полагают исследователи, исключительно с петровской традицией [Усманова и др., 2018, с.206].

В качестве элементов синташтинского «культурного наследия» следует отметить наличие столбовых конструкций на дне могильной ямы. В кургане № 4 они фиксировались по двум сторонам dna центрального погребения и, скорее всего, служили в качестве опоры для перекрытия. Подобные элементы конструкции хорошо известны на таких памятниках синташтинского, типа как Каменный Амбар (курган 2 погребения № 3, 15) [Етимахов, 2005, с. 15, 56], Синташта (курган СП погребения № 1,4,7) [Генинг и др., 1992, с. 299, 311, 314–318]. В кургане № 5 ямки от столбов располагались около жертвенной ямы со скелетами лошадей и могли служить опорой для навеса. Аналогичные остатки конструкций были зафиксированы в ходе изучения кургана № 25 Большекараганского могильника. В южной части кургана, на дне рва, были обнаружены ямки, которые, по мнению авторов [Зданович и др., 2002], образовали при входе нечто вроде ворот.

Присутствие в центральном погребении кургана № 4 керамики синташтинского и петровского облика указывает на ситуацию ритуальной памяти в сообществе. По всей видимости, каждый из

стереотипных элементов погребальной практики, по сути, являлся отдельным ритуалом, проведение которого во многом зависело от культурной памяти людей, причастных к погребальным церемониям.

Заключение

Таким образом, материалы рассмотренных курганов позволяют отнести центральную часть некрополя к петровской погребальной традиции. Набор элементов погребального обряда свидетельствует о культурной близости населения петровской и синташтинской традиций, что подтверждалось при исследовании других погребальных комплексов.

Сохранение культурных стереотипов продемонстрировано способами организации курганного пространства, характером жертвенников, способами погребения умерших и керамическим материалом. Найденные фрагменты керамики по большей части идентифицируются как фрагменты сосудов петровского типа, однако шесть фрагментов, обнаруженных в заполнении центрального погребения кургана №4, принадлежали шести сосудам синташтинского облика. Согласно результатам радиоуглеродного анализа костей животных из кургана № 5 время сооружения памятника относятся к XIX в. до н.э. – времени контактирования населения синташтинской и петровской культур. Радиоуглеродное датирование выполнено в лаборатории масс-спектрометрии Университета Аризоны при поддержке гранта NSF#1640341 (руководитель Р. Дреннан, Университет Питтсбурга). Перечисленные факты позволяют предполагать взаимосвязь культурных моделей.

Вероятно, исследованные курганы ввиду своего центрального расположения на погребальном поле могли быть ядром образования некрополя Новоильиновский II. В пользу такого предположения говорит периферийное расположение курганов алакульского типа и отсутствие традиции оформления жертвенников, связанной с памятью синташтинского культурного наследия. При этом по традициям погребальный обряд алакульских курганов схож с петровскими погребальными традициями.

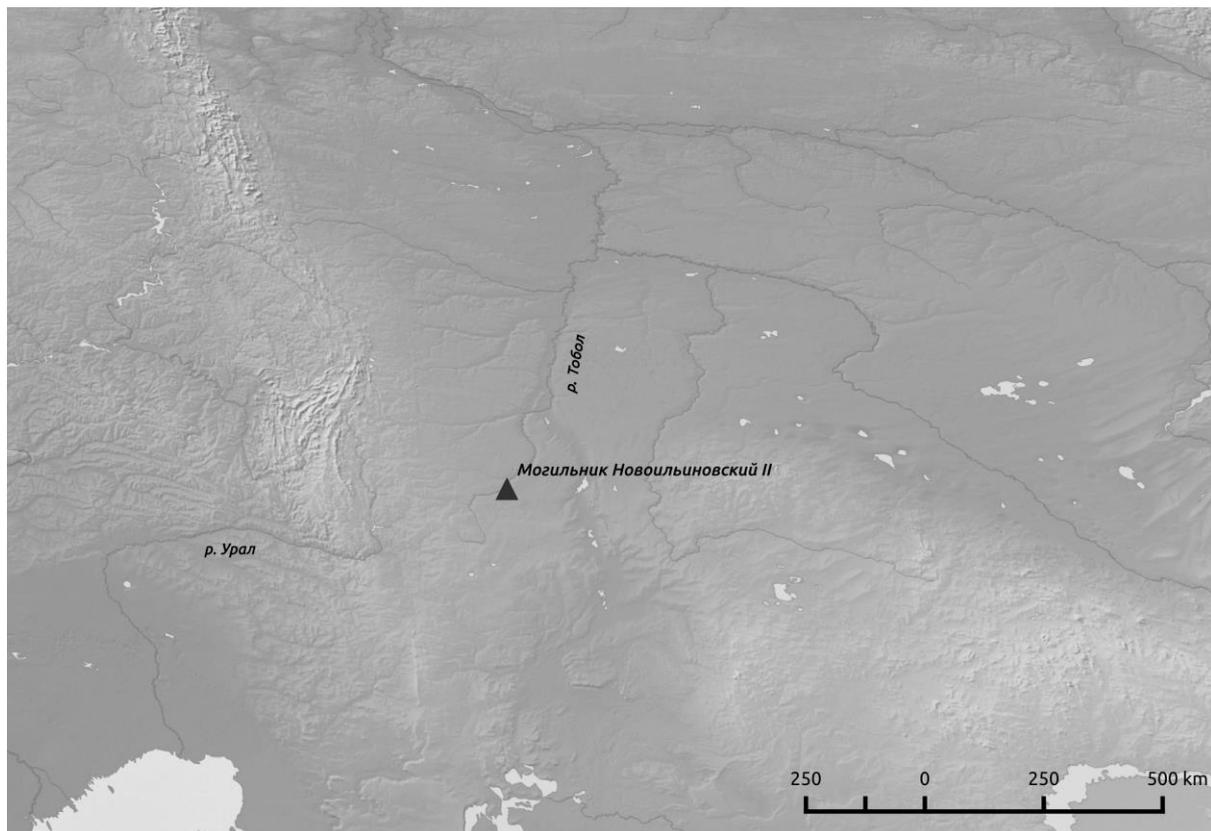

Рис. 1. Расположение могильника Новоильиновский II

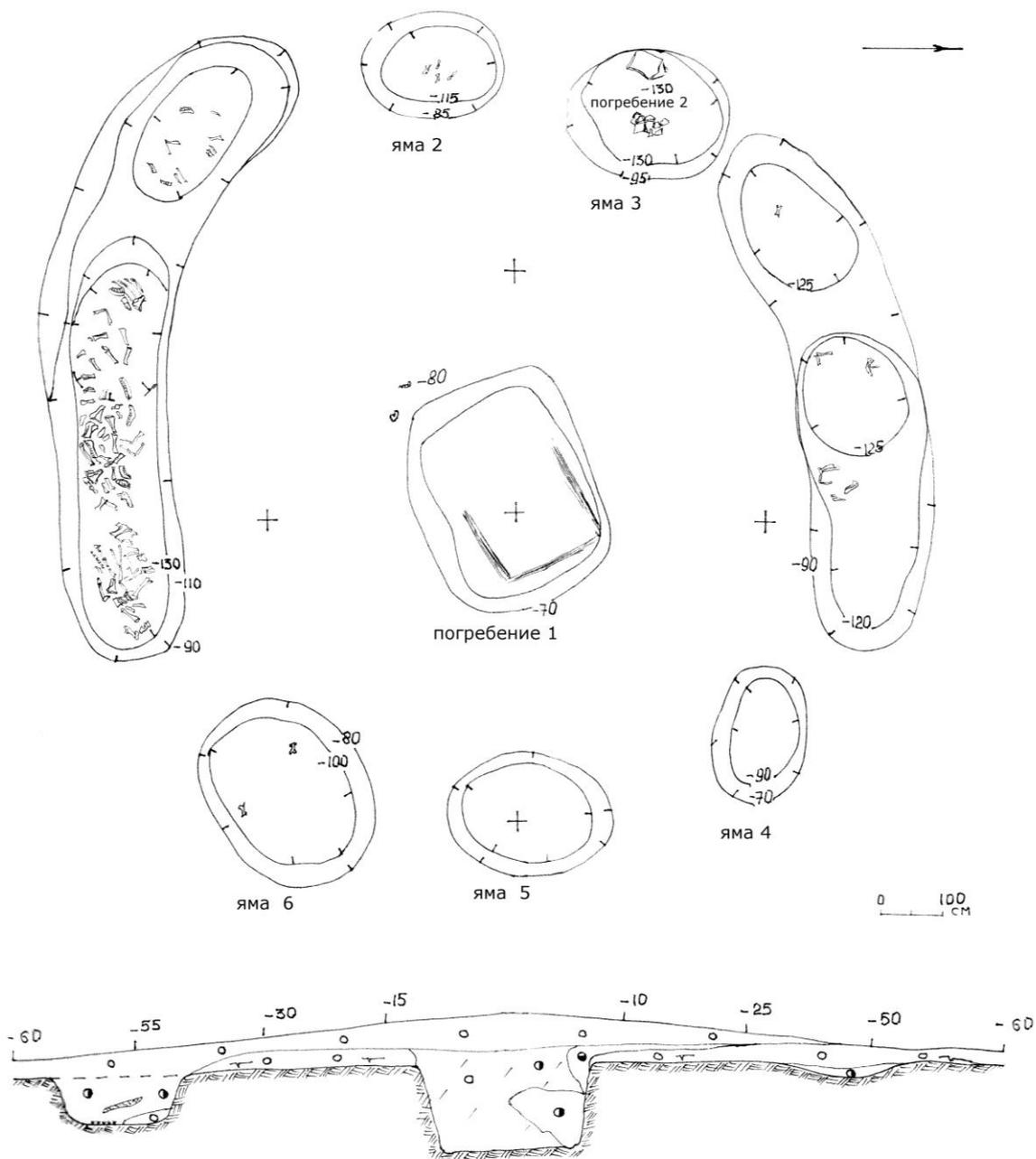

Рис. 2. Могильник Новоильиновский II. План кургана №4

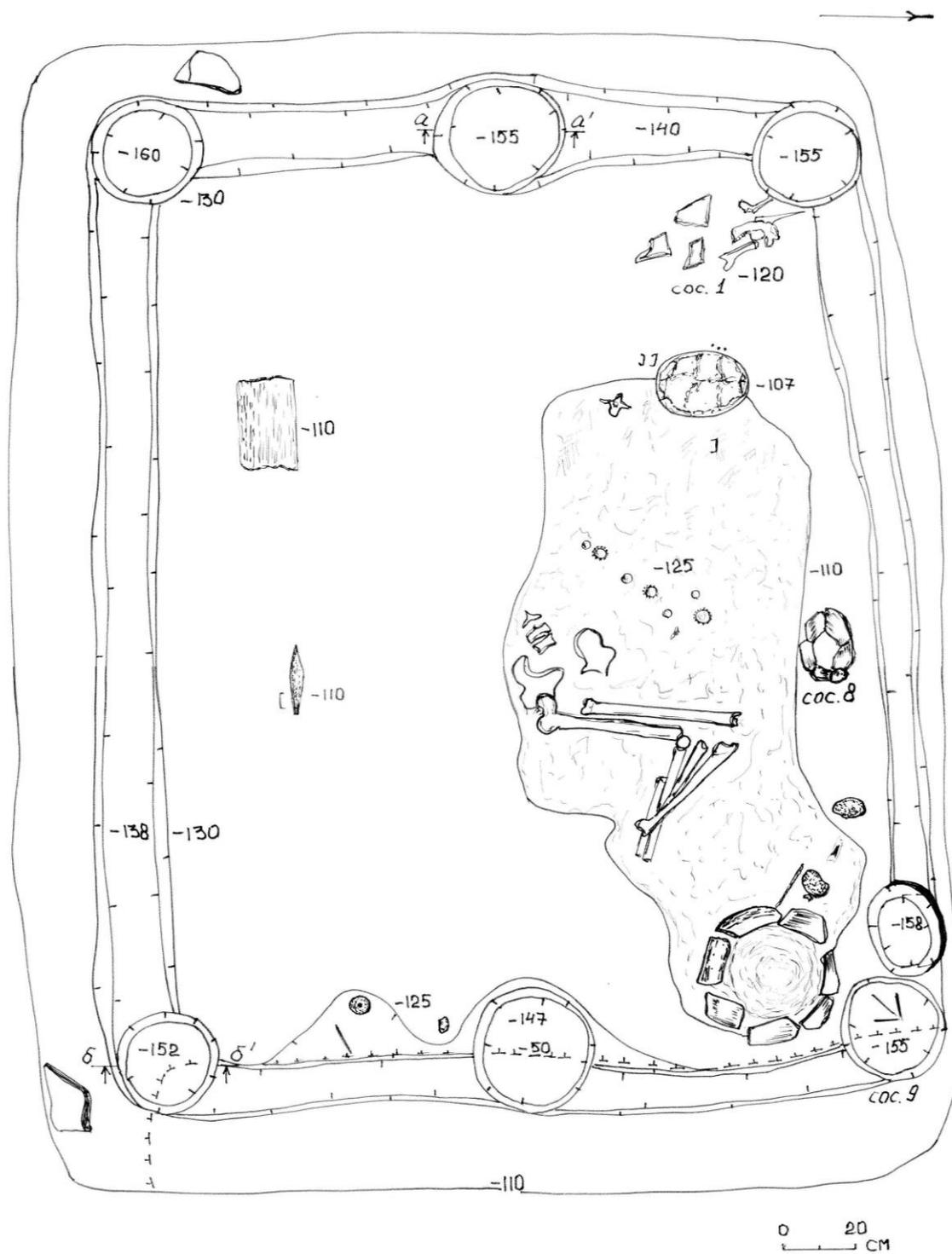

Рис. 3. Могильник Новоильиновский II. Курган №4, центральное погребение

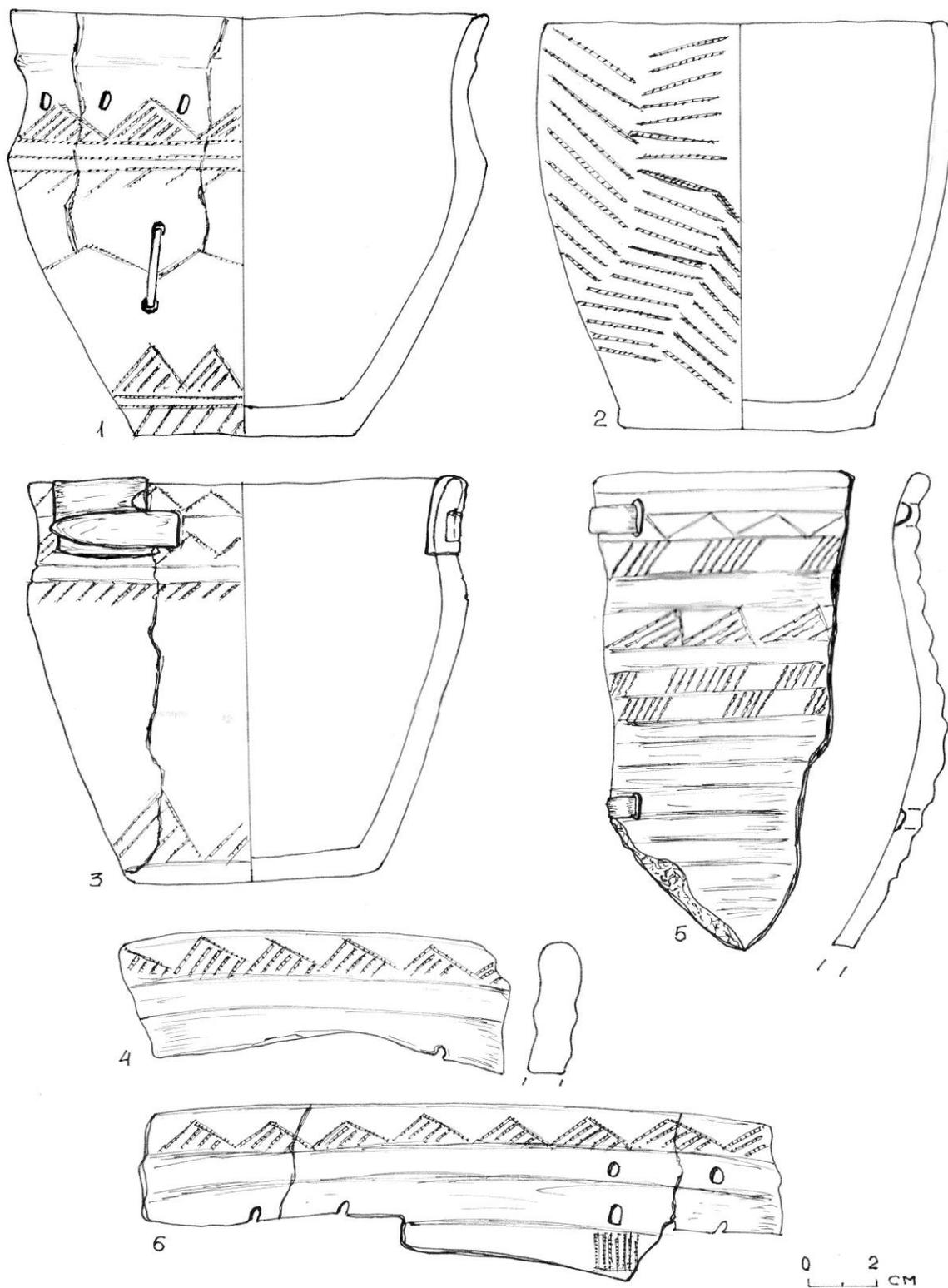

Рис. 4. Курган №4. Погребение 1: 1, 4-6. Погребение 2: 2-3

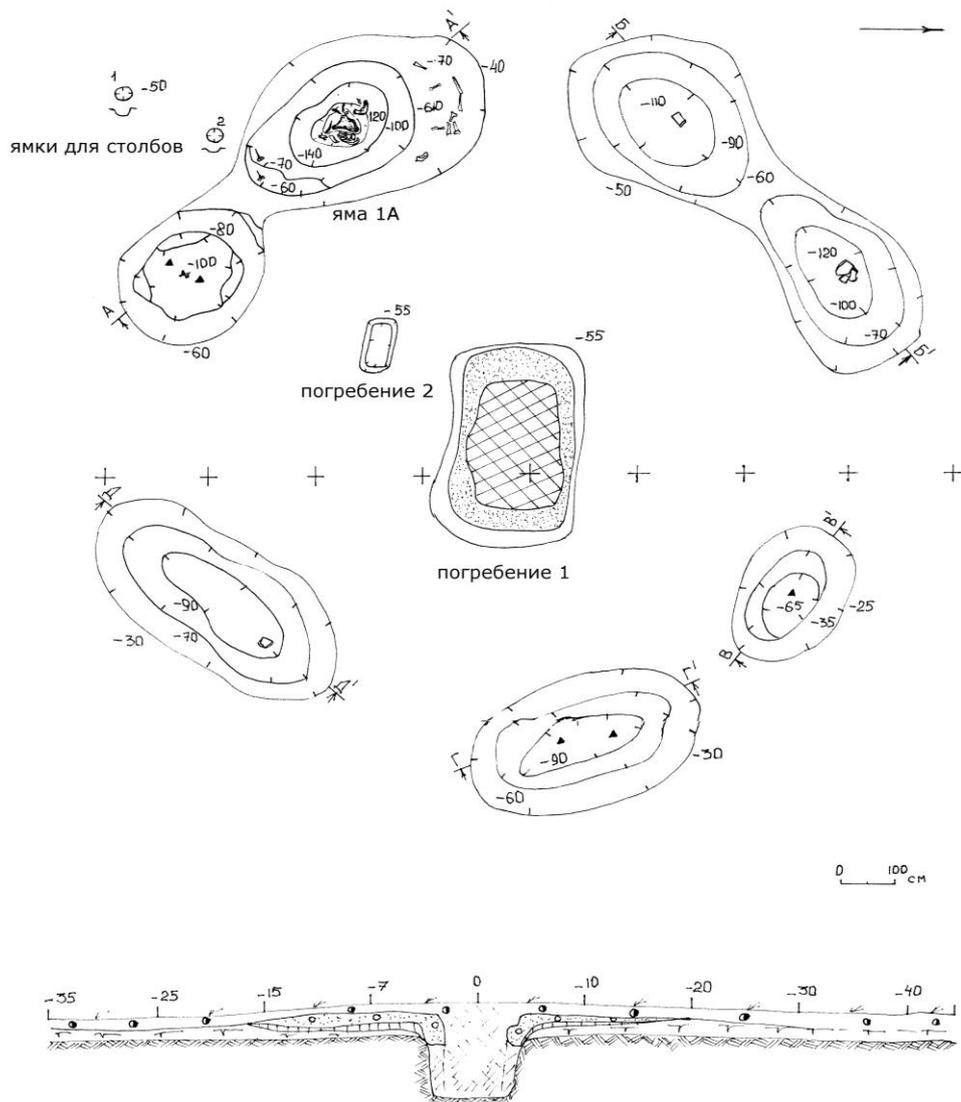

Рис. 5. Могильник Новоильиновский II. План кургана №5

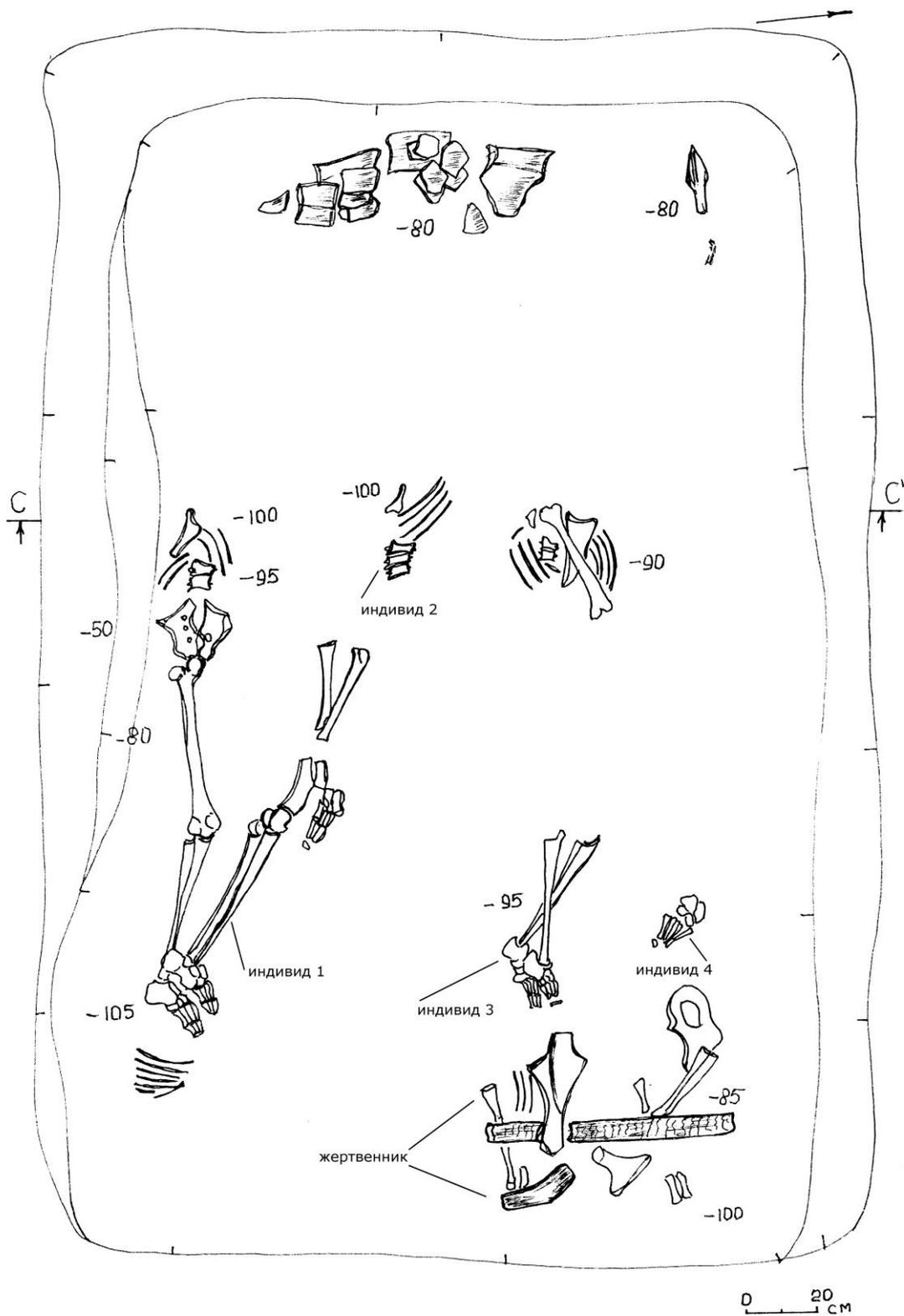

Рис. 6. Могильник Новоильиновский II. Курган №5. Центральное погребение

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 161810332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)».

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во. 1992. 408 с.
- Виноградов Н.Б. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 484 с.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн.1. 192 с.
- Зданович Д.Г. Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн.1. 216 с.
- Корякова Л.Н., Епимахов А.В. Синташтинская археологическая культура: проблемы интерпретации // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2010. Т.7. С. 95–110.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаропова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // Самарский научный вестник. 2017. №4. С. 131–139.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т.13, вып.3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Усманова Э.Р., Суслов А.С. Отчет. Археологические исследования памятников Верхнего Приоболья в Костанайской области в 2012 году. Караганда, 2012. 18 с.
- Усманова Э.Р., Суслов А.С. Отчет. Археологические исследования памятников Верхнего Приоболья в Костанайской области в 2015 году. Караганда. 2015. 33 с.
- Усманова Э.Р., Чечушков И.В., Косинцев П.А., Суслов А.С., Лачкова М.К. Лошадь в духовной культуре и социальном устройстве населения Урало-Казахстанских степей в эпоху бронзы (по материалам могильника Новоильиновский II) // Степная Евразия в эпоху бронзы. Культуры, идеи, технологии. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та. 2018. С. 198–215.
- Шевнина И.В., Логвин А.В. Синташтинские курганы в Северном Казахстане (по материалам Халвайских курганов) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (Вопросы хронологии, периодизации, историографии): Матер. междунар. науч. конф., 12–14 марта 2014 г. Самара: Б.и., 2014. С. 143–150.
- Epimakhov A.V., Krause R. Absolute and relative chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). 2013. P. 129–146.
- V. Miller A.R., Usmanova E.R., Logvin V. Dental health, diet and social transformation in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // Quaternary International. 2014. P. 130–146.
- Ventresca Miller A.R., Winter-Schuh C., Usmanova E.R., Logvin V., Shevnina I. & Makarewicz A.C. Pastoralist Mobility in Bronze Age Landscapes of Northern Kazakhstan: ⁸⁷Sr/⁸⁶Sr and $\delta^{18}\text{O}$ analyses of Human Dentition from Bestamak and Lisakovsk // Environmental Archaeology. 2017. 23 (4). P. 352–366.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.09.2018

FUNERAL PRACTICE OF PETROVKA CULTURE ON THE MATERIALS OF THE NOVOILYINSKY BURIAL GROUND

P. A. Snitkovskaya

Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
p.a.sniky@yandex.ru

E. R. Usmanova

Karaganda State University, Universitetskaya str., 28, 100028, Karaganda, Kazakhstan
emmadervish2004@mail.ru

The article looks at the recent research dealing with the comparative analysis of funeral rites elements of the Petrovka culture. It is spoken in detail about the elements that contained in burial mounds № 4 and 5 of Novoyilinovsky II burial ground (Taranovskiy region, Kostanai province, Republic of Kazakhstan). Materials of funerary structures make it possible to attribute them as mounds of the Petrovka type. However, some ritual features have similarities with the Sintashta burial tradition close to the Petrovka cultural basis. The preservation of cultural stereotypes is confirmed by the similarity of ways of organizing kurgan space, altars, ways of burying the dead and ceramic material. The ceramic fragments for the most part are identified as pots of the Petrovka type; however, some of them belonged to six pots of the Sintashta appearance. Likely that the investigated mounds, due to their central location on the burial field, could be the core of the formation of the Novoyilinovsky II necropolis. This assumption is supported by the peripheral location of the Alakul burial mounds and the lack of a tradition of altars organization associated with the memory of the Sintashta cultural heritage. At the same time, the structure of the burial rite of the Alakul burial mounds is similar to the Petrovka funeral traditions. This fact makes it possible to assume the interrelation of cultural models in funeral rites of the population of the Ural-Kazakhstan steppes in the Bronze Age.

Key words: funeral rite, Sintashta culture, Petrovka culture, bronze age, Ural-Kazakh steppes.

References

- Epimakhov, A.V. (2005), *Rannie kompleksnye obshchestva Severa Tsentralnoi Evrazii (po materialam mogilnika Kamenny Ambar-5)* [Early complex societies of the North of Central Eurasia (based on the materials of the Kamenny Ambar-5 burial ground)], Chelyabinskii dom pečhati, Chelyabinsk, Russia, 192p.
- Epimakhov, A.V. & R. Krause (2013), "Absolute and relative chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement", *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*, pp. 129–146.
- Gening, V.F., Zdanovich, G.B. & V.V. Gening, (1992), *Sintashta* [Sintashta], Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, Chelyabinsk, Russia, 408 p.
- Koryakova, L.N. & A.V. Epimakhov (2010), "Sintashta archeological culture: the problems of interpretation", *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, №7, pp. 95-110.
- Koryakova, L.N., Krause, R., Epimakhov, A.V., Sharapova, S.V., Panteleeva, S.E., Berseneva, N.A., Fornase, I., Kaiser, E., Molchanov, I.V. & I.V. Chechushkov, (2011), "Archaeological research of the fortified settlement Kamenny Ambar (Olgino)", *Arheologiya, antropologiya i etnografiya Severnoy Evrazii*, №4 (48), pp. 61–74.
- Logvin, A.V., Shevnina, I.V. & A.V. Kolbina (2017), "Kurgan Halvay 5 – A complex of sintashta culture from Northern Kazakhstan", *Samarskiy nauchnyy vestnik*, August 22, №4 (21), pp. 131-139.
- Miller A.V.R., Usmanova E.R. & V. Logvin (2014), "Dental health, diet and social transformation in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan", *Quaternary International*, Vol. 348, pp. 130–146.
- Miller A.V.R., Winter-Schuh C., Usmanova E.R., Logvin V., Shevnina I. & A.C. Makarewicz (2018), "Pastoralist Mobility in Bronze Age Landscapes of Northern Kazakhstan: 87Sr/86Sr and δ18O analyses of Human Dentition from Bestamak and Lisakovsk", *Environmental Archaeology*, 23 (4), pp. 352–366.
- Molodin, V.I., Epimakhov, A.V. & Zh. V. Marchenko (2014), "Radiocarbon Chronology of the Bronze Epoch of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Problems", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 13 (3), pp. 136-167.
- Shevnina, I.V. & A.V. Logvin (2014), "Syntashtinskiy mounds in Northern Kazakhstan (based on the materials of the Halvay barrows)" in *Protsess kulturogeneza nachalnoi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona: (Voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii): Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The process of culturogenesis of the initial pore of the late Bronze Age of the Volga-Ural region: (Questions of chronology, periodization, historiography): Proceedings of the International Scientific Conference], Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskii universitet, Samara, Russia, pp. 143–150.

Usmanova E.R. & A.S. Suslov (2012), *Otchet. Arkheologicheskie issledovaniya pamyatnikov Verkhnego Pritobolya v Kostanaiskoy oblasti* [Report. Archaeological research of the monuments of the Upper Pritobolye in Kostanai region], Karaganda, Kazakhstan, 18 p.

Usmanova E.R. & A.S. Suslov (2015), *Otchet. Arkheologicheskie issledovaniya pamyatnikov Verkhnego Pritobolya v Kostanaiskoy oblasti* [Report. Archaeological research of the monuments of the Upper Pritobolye in Kostanai region], Karaganda, Kazakhstan, 33 p.

Usmanova, E.R., Chechuschkov, I.V., Kosincev, A.P., Suslov, A.S. & M.K. Lachkova (2018), "Horse in the spiritual culture and social structure of the population of the Ural-Kazakhstan steppes in the Bronze Age (according to materials from the Novoilnovsky II burial ground)", in *Stepnaya Evraziya v epohu bronzy* [Steppe Eurasia in the Bronze Age. Culture, ideas, technology], Izd-vo Chelyabinskogo gos. un-ta, Chelyabinsk, Russia, pp. 198-215.

Vinogradov, N.B. (2013), *Drevnee Uste: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zauralye* [The Ancient Estuary: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals region], Abris, Chelyabinsk, Russia, 484 p.

Zdanovich, D.G. (2002), *Arkaim: Nekropol (po materialam kurgana 25 Bolshekaraganskogo mogilnika)* [Arkaim: Necropolis (on the data of kurgan 25 of the Bolshekaragansky cemetery)], Yuzhno-Ural. kn. izd-vo, Chelyabinsk, Russia, 216 p.